

## Глава 1

### Утро, вечер, новый год

**Ж**ак всегда вел себя черт знает как. Поэтому, когда в сочельник они очутились вместе в ванной комнате, переодеваясь к ужину, Мартина сочла нужным напомнить мужу, что это Рождество — особенное. И ему следует быть пай-мальчиком, от этого зависит благополучие всей семьи.

— Пожалуйста, держи себя в руках. С детьми не препирайся, невесток не задирай. Нам главное новенькую не отпугнуть, — заметила Мартина и, приоткрыв рот, подкрасила ресницы.

Потом посмотрелась в зеркало удостовериться, что новое платье ей к лицу. В зеркале отразилась некогда великолепная супружеская пара, впрочем, и сейчас о возрасте напоминали лишь седеющая шевелюра Жака да редкие мимические морщинки у обоих — следы усталости, мелких забот и неудержимого хохота.

— Хоть бы Николя на ней остановился, — продолжала Мартина. — Как ее там? Жанна, да? Никаких нервов

не хватит каждый раз новое имя запоминать! Я постоянно боюсь оговориться. И потом, в кухонных шкафах освободится место, если мы наконец перестанем каждый год заказывать очередную бретонскую миску с именем свежеиспеченной невестки. Жак, я с кем разговариваю?

— Ты уверена, что тебе идет желтый цвет? — Он скорчил гримасу, глядя на ее платье вырви-глаз.

— Да что ты в моде понимаешь! — надменно оборвала его Мартина.

Но мысли отца семейства, поглощенного впахиванием пуза в новую приталенную рубашку, были заняты другим. Если он что и принимал близко к сердцу, так это соблюдение традиций. А традицией в семье Ле Геннек считалась рождественская оленина. Ответственным за ее запекание на низких температурах всегда назначался Жак, из-за чего каждый сочельник он становился страшно раздражительным. Главное было не передержать мясо в духовке, не то он безнадежно испортит вечер себе и, соответственно, всем остальным. Он зашелся уже в мясной лавке, колеблясь между двумя кусками, один показался ему совсем уж жалким, другой — слишком увесистым. Дальше — больше, пришлось выбрать вино для соуса. И вот уже почти час как он, уставившись на минутную стрелку, обеспокоенно переспрашивал:

— Тебе не кажется, что за четыре часа наша оленина пересохнет?

Мартина, вот уже почти сорок лет проявлявшая чудеса терпения и выдержки, тихо ответила мужу, который теперь нервничал из-за выбившейся пряди:

— Лучше причесявайся и одевайся на кухне. Тебе так будет спокойнее, да и мне заодно! Ведь в прошлом году

мясо получилось идеально? Учитывая его вес, четыре часа — то, что надо! К тому же у тебя есть зонд! Будь добр, застегни мне молнию на спине, — попросила Мартина и принялась напевать нечто, отдаленно напоминающее ее любимую песню про любовь. — *Only youии!*

Жак, так и не застегнув ей молнию, выскочил из ванной и понесся вниз на кухню, чтобы заглянуть в духовку. Когда он поднялся обратно, ему явно было неловко, но жена даже не удостоила его взглядом. Она собиралась прекрасно провести вечер, начиная с этой самой минуты.

Мартина поправила каштановую челку. Стрижка каре, которой она не изменяла уже несколько десятилетий, придавала ей слегка озорной вид, особенно в сочетании со вздернутым носом и круглыми глазами. Со временем она становилась все больше похожа на Салли Филд, американскую актрису, сыгравшую мать семейства в *“Миссис Даутфайр”*. Уверенным движением кисточки она нанесла розовые румяна, потом принялась красить губы, слишком тонкие, как ей казалось. Но, не докрасив, обернулась к мужу.

— И все же я волнуюсь. Наш Николя, конечно, не сахар. У него всегда был склочный характер. В кого, интересно, — добавила она, покосившись на Жака. — Может, ему следовало повременить, прежде чем знакомить ее с нами? Вынести одновременно отца и сына бедной девочке будет не по силам. Я вообще к кому обращаюсь? И хватит дергаться из-за мяса! Если ты прекратишь каждые десять минут открывать духовку, оно будет буквально таять во рту, как ты любишь. Лучше застегни меня!

— Обожаю, когда ты так со мной разговариваешь, — усмехнулся Жак, застегивая молнию. — Ты просто не-

отразима! — сказал он, провальсировав с женой несколько па.

— Правда? А мне кажется, что я страшнее на глазах и все пялятся только на мой живот! — возразила она и снова посмотрелась в зеркало.

Жак взял ее за руку и внимательно оглядел с ног до головы. Маленькая, худая Мартина не утратила упругости тела, что неизменно вызывало зависть ее подружек за шестьдесят.

— Глупости, дорогая, хватит на себя наговаривать. Ты прекрасна! А как хорошо пахнешь... — Жак уткнулся носом ей в затылок. — У тебя колготки или чулки? — спросил он, погладив ее по бедру.

— Ой, только не сейчас! Я вообще не против, но мы опоздаем! До их прихода осталось меньше часа, а у нас конь не валялся. И надо успеть спрятать детские подарки. Мне не терпится увидеть наших внуков, наверное, они еще выросли с прошлого раза!

— А мне хочется стащить с тебя это платье... — Жак гнул свое, самозабвенно целуя в шею свою спутницу жизни, да так, что она захихикала, как девочка.

— А мне хочется, чтобы ты нормально держался с сыновьями и по-человечески общался с невестками, а не сидел вперившись в телефон. Договорились? — спросила она, приняв самый непреклонный вид, на какой была способна. — И если будешь вести себя хорошо, тогда после ужина...

— Давай начнем с аперитива. — Жак обольстительно улыбнулся.

Они удалились в спальню, и оттуда еще некоторое время доносился смех, шорох сброшенных на пол туфель и восклицания типа “ай, поосторожней!”. И время застыло — до тех пор, пока не раздался звонок в дверь.

— Уже? Так рано? — воскликнула Мартина. Будильник показывал 20.10. — Черт!

— Смотри не ругайся! Наши внуки обожают играть в полицейских, и нам это снова обойдется евро в тридцать за вечер! Рубашку заправить или выпустить?

— Выпусти, а то у тебя пузо выпирает. Ты, случайно, не видел мою левую туфлю? Куда она подевалась?

— Пузо выпирает? Спасибо на добром слове!

Мартина и Жак сбежали вниз в переднюю. Наспех причесавшись и приведя себя в порядок, они сделали глубокий вдох и повторили напоследок план битвы.

— Итак, вкратце: колкостей в адрес невесток не отпускать, телефон убрать, помнить о холестерине. И обойдись без добавки, ладно?

— Слушаюсь, хозяйка! — кивнул Жак и поцеловал жену в губы. — Ну, вперед! Где наша не пропадала!